

От первого лица

“Идея адаптировать для экрана “Ромео и Джульетту” пришла мне в голову в 1992 году, сразу же после того, как я закончил снимать “Только в танцзале”. Меня не покидала мысль — если бы Шекспир жил сегодня, чем бы он занимался? Уверен, ставил бы фильмы. А какие? Вот это мне и хотелось понять. Конечно, мы мало что знаем о жизни Барда, но одно известно точно: он не был официально признанным и обласканным автором, он показывал свои пьесы перед толпой бродяг и проституток.

Шекспир был ниспровергателем канонов, и только века сделали из него классика. Наверняка сегодня он бы поставил настоящее кино, которое опередило бы время, потому что Шекспир был гениальным рассказчиком историй и великолепно владел всеми сценарными уловками. Мы с моим сценаристом Крэйгом Пирсом специально анализировали все его сюжетные линии, когда искали способ перевода их на язык образов. Мы поставили перед собой почти невыполнимую задачу: сохранить полную верность шекспировскому тексту, от первого до последнего слова.

Шекспир гениально создавал своих персонажей с помощью языка, и изменять что-либо нам казалось кощунственным. Конечно, приходилось допускать купюры, но основой всего нашего проекта был все-таки шекспировский оригинал. Может быть, я слишком трепетно отношусь к первоисточникам из-за того, что в перерывах между фильмами ставлю у себя дома, в Австралии, оперы и театральные пьесы.

Решив ни в чем не отступать от текста, мы позволили себе роскошь полностью изобрести визуальный ряд. Мне хотелось чего-то современного, яркого, чувственного, сексуального, экзотического. Чтобы по духу это было близко к идеям елизаветинской эпохи, а по форме — к сериалу “Полиция Майами. Отдел нравов” или фильму “Лицо со шрамом”. Мы хотели, чтобы в кадре то и дело мелькали современные машины, огнестрельное оружие, чтобы звучала рок-музыка, чтобы эти ребята догадывались об опасности наркотиков. Мы долго обсуждали, каким будет наш фильм, но потом поняли, что словами ограничиться не удастся. Тогда мы сделали нечто вроде книги-комикса, которая стала одновременно раскадровкой всех сцен. Что-то рисовали от руки, что-то делали с по-

мощью компьютерных коллажей, а что-то просто вырезали ножницами.

На бумаге фильм был готов. Но, разумеется, ни одна студия не хотела браться за такое безумие. Студии вообще не любят классику, а уж это... Но у меня была припасена про запас одна неплохая идея. С самого начала я видел в роли Ромео

лагать проект студиям. Наконец, на Fox мне сказали, что я должен найти Джульетту, которая была бы не хуже Ромео, и тогда проект можно запускать в производство.

Я пересмотрел пробы всех девушек, которые есть на свете. Блондинок и брюнеток. Американок, англичанок, австралиек, французенок. Профессиональных актрис и барышень, впервые оказавшихся перед камерой. Среди них я не нашел ни одной настоящей Джульетты. Я был в отчаянии. Когда мне казалось, что все кончено, меня выручил один мой очень хороший друг, режиссер Джейн Кэмпбелл. У нее остались пробы Клер Дэйнс на небольшую роль в фильме “Портрет леди”. В целом эта девушка на пленке мне понравилась, но особенно энтузиазма я не испытывал. Тогда Джейн настояла на том, чтобы нас познакомить. Встретившись с Клер в реальной жизни, я мгновенно был ею очарован. Она могла стать балансом для Леонардо.

Он — немного чокнутый, обожающий скорость и красивые бездельюшки парень, остающийся мальчиком в душе; она — девочка, кото-

БАЗ ЛУРМАН:

“Какой фильм поставил бы Шекспир?”

только одного актера — Леонардо Ди Каприо. Судьба была к нам благосклонна — по мере того, как мы сочиняли свою “книжку”, Леонардо становится все более и более популярной звездой в США.

Я написал ему о нашем проекте и пригласил заехать в гости. Он очень вежливо ответил на мое приглашение, и вскоре вместе с отцом прилетел в Австралию. Я подробно рассказал ему о проекте, показал напущенную модельную книжку, и Леонардо загорелся этой идеей. Тем временем его выдвинули на “Оскара” за “Гилберта Грейпа” и дело сразу же сдвинулось с мертвой точки.

Конечно, теперь он просил гораздо большие гонорары, но когда я вторично пригласил его в Австралию на кинопробы, он не потребовал никаких денег, все сделал бесплатно. Я снял его пробу на видеопленку, он был просто великолепен. Эта проба и стала моим главным козырем, когда я начал пред-

рая уже чувствует себя женщиной, рассудительная, трезвомыслящая, довольно сдержанная. Мне понравилась идея противопоставления героев, потому что по сути Ромео и Джульетта — это две половинки души одной личности; судьба разорвала эту душу, и теперь ее составляющие обречены вечно стремиться друг к другу. Любовь для Ромео и Джульетты становится обретением целостности, обретением себя.

Мне не хотелось снимать в Лос-Анджелесе, потому что это не американская история. Не хотелось снимать и в Европе — здесь почти весомо ощущается дух Старого Света, а мне хотелось атмосферы Ренессанса, сырой, грубой энергии, которая с трудом втискивается в рамки цивилизации. Решение снимать в Мексике казалось спасительным, но я не подозревал, что нас там ждало: грязь, нищета, ураганы, угрозы киднеппинга. Однако эта лихорадочная атмосфера пошла на пользу самому фильму, и я не

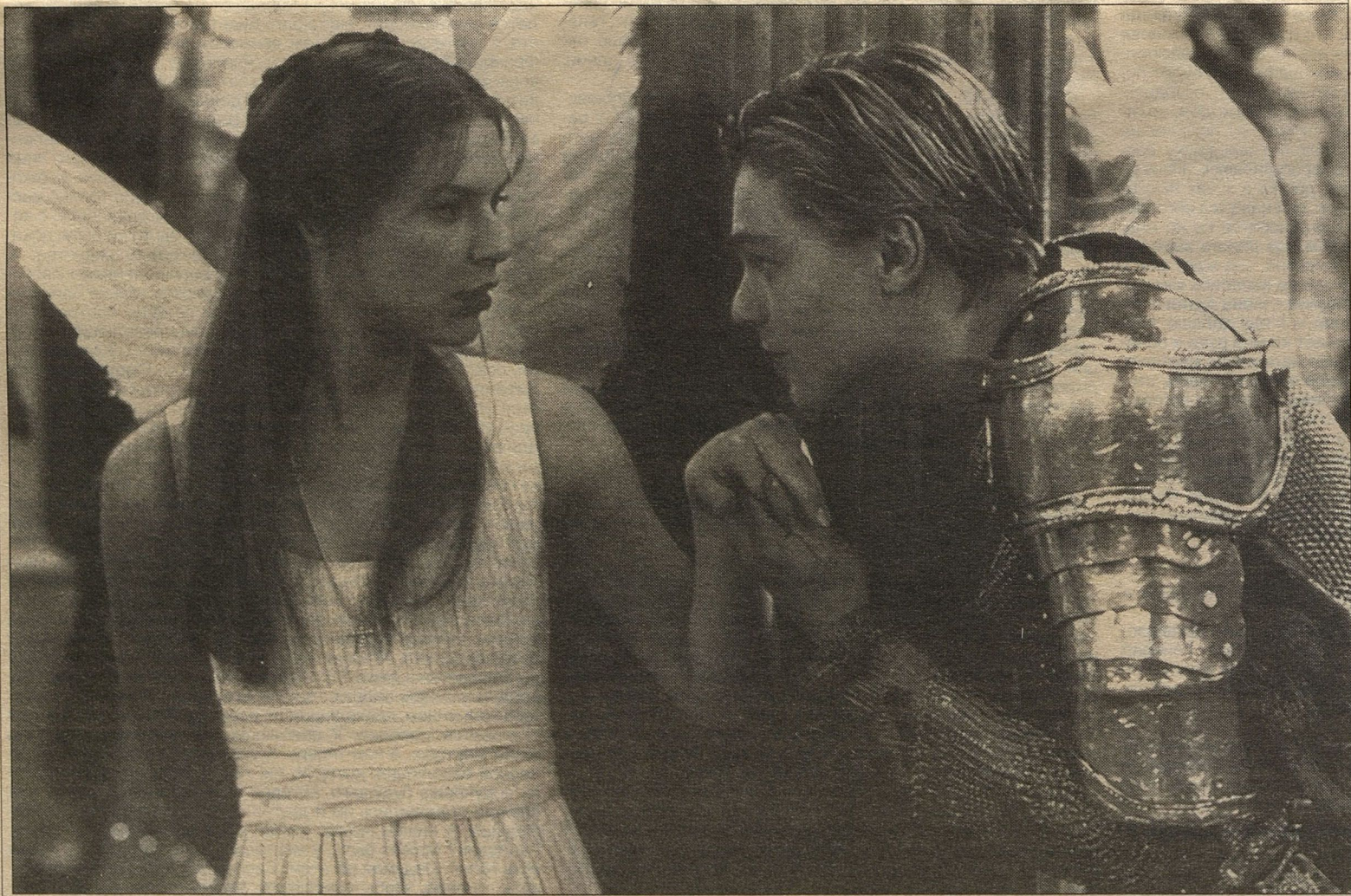
раз говорил себе, что если идея с самого начала была немного хулиганской, то ее воплощение целиком искупило все наши грехи.

Каждый день работы снова и снова доказывал нам, что чем больше взрослые вторгаются в молодежную вселенную и навязывают детям свои правила, тем больше вероятность кровавой развязки. Нам почему-то кажется, что мы в состоянии держать ситуацию под контролем, но она выскальзывает из рук, и все катится в тартарары, потому что наша цивилизация построена на противопоставлении цвета кожи, национальных традиций, религиозных верований, сексуальных ориентаций. Послание Шекспира 400-летней давности актуально сегодня, как никогда.

Мы долго репетировали с актерами до начала съемок. Мне хотелось добиться от них легкости обращения с шекспировскими текстами, чтобы слова вылетали из их уст, словно слова какой-нибудь современной модной песенки в стиле рэп. Я добивался, чтобы они обжились в костюмах, чтобы их жесты были мягки и грациозны, как у хищных зверей или балерин. Я знаю, что когда настоящий актер сталкивается с шекспировской драматургией, это все равно что включается мощная гоночная машина, и ты оказываешься за ее рулем. Актеры, однажды вчитавшиеся в Шекспира, заражаются любовью к его произведениям на всю жизнь. Им ведь осточертевает произносить безликие реплики из мыльных опер, им хочется настоящего дела. Когда они готовятся к съемкам, ты словно видишь, как в лице начинается урчать акселератор.

Больше всего я горжусь, что в премьерный уикэнд мы побили по кассовым сборам даже “Дневной свет” с Сильвестром Сталлоне. Я радовался этому факту даже больше, чем известию, что компакт-диск с музыкой из фильма стал трижды платиновым в США. Все-таки Шекспир победил Слая.

Сейчас на Fox меня считают курицей, несущей золотые яйца. Они предложили мне перебраться в Лос-Анджелес навсегда и делать по одному проекту в год. Но я пока не хочу снимать ни “Отелло” в стиле панк, ни “Тамлета” в стиле рок. Fox сейчас строит филиал в Австралии, возможно, я буду с ними сотрудничать, не покидая родины. У меня есть идея фильма о новом тысячелетии и без голливудских капиталов ее не раскрутить”.

15.06.97
Артмен 1523
see meshku